

стей их представляется, однако, значительно менее обширной. Огромная тяжесть повозки ограничивает возможность их применения хорошо споспорованными путями, невозможность движения без ярких фонарей, хорошо освещающих путь препятствует их применению ночью. Таким образом, прямое назначение блиндированных автомобилей—аттака войсковых колонн, двигающихся по шоссе. Особо ценным может оказаться содействие таких повозок на крутильных дорогах (после кольцевого и радиального), где они создают возможность «непрерывной», так сказать, обороны, служба «подвижными укреплениями».

С. Павлов-Никольский.

Московскія письма.

Первая часть замечательной беседы в юридическом собрании посвящена была юбилею судебных уставов. А. А. Гиззетторъ разсказалъ намъ, какъ худо было до введения уставовъ, въ до-реформенномъ судѣ. Почтенный Н. В. Давыдовъ разсказалъ, какъ было хорошо въ то время, когда эти уставы вводились въ жизнь. А Н. Н. Полянский—какъ стало снова худо послѣ того, какъ они уже были введены...

Съ грустной симпатіей мы слушали Н. В. Давыдова. Вспоминая свою молодость, Н. В. разсказывалъ, что ему и его товарищамъ мало было этихъ славныхъ судебныхъ уставовъ. Молодые прокуроры того времени, опираясь на какую-то статью, которая давала имъ право только наводить справки, терроризировали администрацію, дѣлалъ видъ, что за этой навязной статьёй скрывается какое-то грозное ихъ право притягивать къ отвѣту перепуганныхъ администра-торовъ...

Какъ извѣстно, не по своей охотѣ тайный совѣтникъ Н. В. Давыдовъ вышелъ изъ магистратуры. Дѣлая съ нами своими воспоминаніями, весь онъ былъ передъ нами, человекъ иной эпохи, иного воспитанія, иныхъ понатій: кристально-честная душа, снисходительная къ чужимъ грѣхамъ, но непоколебима преданная чувству долга и идее правосудія,—живое воплощеніе «новаго суда».

Молодой собрать его, другой ораторъ, Н. Н. Полянский, неутвержденный мировой судья, представитель другого поколѣнія, для котораго возвращеніе къ уставовъ 64 года—несбыточное, пре-ирусное мечтаніе. У этого поколѣнія имѣется огромное преимущество жестокаго жизненнаго опыта, обобщеній, пригодныхъ для суровой дѣйствительности. Рядомъ съ этой молодежью престарѣлый Н. В. Давыдовъ кажется счастливецемъ, обрѣвнымъ тайну неуязвимой прекрасной юности: не взирая ни на что, онъ любитъ, вѣритъ и надѣется.

Эта параллель напраивалась и во время второй части замечательной бесѣды.

Времени было немного, и смѣившій на предсѣдательскомъ мѣстѣ князь Галицына И. Н. Сахаровъ предложилъ ораторамъ, не теряя время на предисловія и вступленія, «брать быка за рога». Весьма извѣстный представитель московской адвокатуры и вѣятельной оппозиціонной партіи тотчасъ-же взялъ слово и наговорилъ «ужаснѣйшія» вещи. Рѣчь его была о томъ, что такъ или иначе набѣло у всѣхъ присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ. Но по формѣ, по темпераменту оратора, она приняла столь угрожающую вѣщность, что предсѣдатель собранія, при сочувствіи значительнаго большинства аудиторіи, выступилъ съ просьбой не превращать вѣтливой бесѣды въ «митингъ». Я упоминаю объ этомъ потому, что обстоятельство это мнѣ кажется весьма типичнымъ и характернымъ. Послѣ этого вѣгуженія наступило положеніе затруднительное: охотники продолжать бесѣду не вызывались. Получилось ясно, что нѣтъ того

вопроса, а главное, той постановки «наболѣвшихъ» темъ, которая отвѣчала-бы заранѣе готовымъ настроеніямъ этого, довольно однороднаго, тѣмъ не менее по составу своему, собранія. Вѣщательство человека, котораго всѣ очень любятъ и очень уважаютъ, только и могло снасти положеніе. Такимъ человекомъ оказался почетный гость собранія, Горькій. По поводу словъ, имъ сказанныхъ, кто-то изъ ораторовъ замѣтилъ:

—Вотъ и любимый нами буревѣстникъ нашъ что те поникнулъ крыльями!..

Рѣчь Горькаго была о томъ, что въ Россіи происходитъ поглощеніе разнообразныхъ элементовъ интеллигенціи и общества широкимъ національно-либеральнымъ устремленіемъ, обозначеннымъ выступлениями проповѣдниковъ промѣлленно-политически-религознаго мессіанизма Россіи, противопоставляемой этимъ Магометами Европѣ и замыкаемой ими въ кольцо либерализированнаго націонализма.

Въ нашемъ «буревѣстникѣ» меня другое поразило: новая чюта какой-то безконечной мягкости, душевной толготы и вздумчивости. Дорогъ и близокъ былъ намъ прежній Горькій—«буревѣстникъ», но этотъ—еще дороже, еще ближе, еще милѣй.

Послѣдующіе ораторы раздѣлились на двѣ категоріи: на пессимистовъ и оптимистовъ. Пессимисты говорили о томъ, что насъ ждетъ то самое, отъ чего Россію предостерегаетъ въ послѣднее время кн. Евг. Трубецкой: сытость, экономическое благополучіе и упадокъ общест-венности. Оптимисты возражали: событія нашихъ дней настолько грандіозны, говорили они, что простой общественной реакціей они не могутъ ликвидироваться. Для всей Европы наступитъ эра новой жизни; не обойдетъ она и насъ. Это были разсужденія, какія изодня въ день всюду повторяются. Никакого элемента политическаго, пригодно-го и предназначенаго для обоснова-нія какой-либо политики, въ нихъ не обнаружилось. Но отъ этого онѣ не менее интересны:

—Я—пессимистка,—заявила, напр., извѣстная радикальная общественная дѣятельница,—по это не мѣшаетъ мнѣ заявить, что если-бы я была мужчиной, если-бы я могла держать ружье, я сейчасъ-же отравила-бы воевать!..

Заявленіе это было встрѣчено дружными рукоплесканіями: аплодировали и «оптимисты», и «пессимисты». Неожиданная патрістическая манифестація эта въ такомъ собраніи произвела впечатлѣніе (на меня, по крайней мѣрѣ) чего-то глубоко непосредственнаго, чего-то освѣжающаго, я сказалъ-бы—чего-то заново рожденнаго. Глубоко былъ правъ ораторъ, который отвѣтилъ единственіе «оптимистовъ» и «пессимистовъ», какъ нѣчто знаменательное. Желаніе побѣды, сказалъ онъ, какъ мы видимъ, существуетъ отдѣльно, независимо, вѣдь связи съ какими-либо политическими расчетами, чаяніями и ожиданіями. Фактъ этого раздѣленія, показавшійся бы намъ немѣлкимъ во время войны съ Японіей,—самое важное явленіе нашихъ дней!

Такимъ образомъ, многолюдное собраніе, въ которомъ присутствовали многие видные общественные дѣятели, превратилось, послѣ неудачной попытки перваго оратора, въ одну изъ тѣхъ обывательскихъ бесѣдъ, которыя ведутся ежедневно и повсюду. Значить-ли это, что мы обратились въ первобытное преступное обывательское состояніе? Не думаю. Было время, когда обыватель спросонья натягивалъ политической мундиръ, бывши подъ мундиромъ, извѣстнаго за выраженіе, безъ ничего. На нашихъ глазахъ происходитъ теперь нѣчто другое. «Мундиры» сохраняются неподалеку, въ гардеробѣ,—ихъ не долго взять; но съ обывателемъ происходитъ нѣчто большее, чѣмъ передѣваніе: онъ просыпается гражданиномъ, въ ясномъ сознаніи своей принадлежности къ великому народу, въ сознаніи великихъ обязанностей и за-дачъ...

Радостное это пробужденіе: общасть оно ясный, бодрый, плодотворный день.

Евг. Адамовъ.